

МИНСКИЙ ФОРУМ XIX: ПРОТОКОЛ ОСНОВНЫХ ТЕЗИСОВ

ВУ – 30 лет независимости

История, гражданское общество, культура, бизнес и внешняя политика

---

5 НОЯБРЯ 2021
ВИЛЬНЮС

БЫЛА ЛИ НЕЗАВИСИМОСТЬ БЕЛАРУСИ В 1991 ГОДУ СЛУЧАЙНОСТЬЮ?

Что касается опор и истоков белорусской независимости, Александр Смолянчук, профессор Института славистики Польской академии наук, отмечает, что хотя советская историография и вовсе игнорировала опыт создания Белорусской народной республики в 1918 году, однако и копировать современный балтийский подход здесь не следует. В отличие от стран Балтии, идея БНР не была реализована в политической практике, не застряла мощно в памяти людей, и самое главное – в Беларуси не было межвоенного периода независимого национального государства. В итоге нынешняя белорусская государственность вырастает из БССР.

В результате проблемы БССР – отсутствие демократических традиций, низкий уровень политической культуры и русификация – перешли в современную историю Беларуси. Прыжок через эту пропасть не удался политикам 1990-х, и уже на президентских выборах 1994 года к власти пришли те, кто мечтал о реваншизма.

Андрей Казакевич, директор Института политических исследований “Палітычная сфера”, считает, что Беларусь в годы перестройки не столько не хотела независимости, сколько не понимала, что это такое, и не была к ней готова. Выборы 1990 года, которые проходили по всему СССР, позволяют сравнить ситуацию в разных регионах. Если в странах Балтии конституционное большинство получили народные фронты и те, кто их поддерживали, а в Украине было неустойчивое просоветское большинство, то в Беларуси просоветские силы получили примерно 2/3.

Причинами Андрей считает слабость национальной идентичности, русификацию, незнание белорусской истории, а также совпавший с перестройкой кризис белорусской номенклатуры второй половины 1980-х. Череда сильных послевоенных фигур (Мазуров, Машеров, Киселев) сменилась новой слабой элитой (Кебич, Мясникович), которая не мыслила себя руководителями республики. В итоге даже победа на выборах 1990 года не укрепила эту номенклатуру, и уже в 1994 году она потерпела поражение от несистемного человека, после чего ушла с политической сцены и не вернулась (в отличие от номенклатур других постсоветских стран, которая потом зачастую возвращалась к власти на новых рельсах).

Александр Добровольский, советник Светланы Тихановской, глава отдела внутренней политики, а в году обретения Беларусью независимости – депутат Верховного Совета СССР, вспоминает, что белорусская повестка звучала в Москве очень слабо. И даже демократическая Межрегиональная депутатская группа (куда, помимо Сахарова и Ельцина, входил и сам Добровольский), больше ставила вопросы демократические, чем национально ориентированные.

Добровольский согласен, что номенклатура БССР была слабой, и “если бы у нас был свой Бразаускас” (лидер компартии, понимающий, что он также лидер страны, литовец) – “была бы другая ситуация”. В то же время, он отмечает, что идеи независимости в Беларуси были, их продвигал созданный в 1988 году Белорусский народный фронт, и на политической сцене были заметны интеллигенты, писатели и художники (Быков, Марочкин), которые и подготовили видение независимой Беларуси. Поэтому Добровольский считает, что Беларусь хоть и получила независимость благодаря распаду СССР, но не случайно, и нынешний общественный консенсус о значимости независимости – это заслуга тех, кто ставил этот вопрос еще раньше, в том числе Вацлава Ластовского и Янки Купалы.

Анна Любакова, член-нерезидент Atlantic Council, отмечает провалы в реализации внешней политики независимой Беларуси: “Как мы ни старались показать прорыв на западном векторе, но его не было”, и даже в Восточном партнерстве Беларусь участвовала меньше всех стран. Российский вектор внешней политики привел к нынешней эпопее союзных программ, которые в конечном счете призваны привязать Минск к Москве сильнее, чтобы Беларусь слишком быстро не убежала, когда произойдут изменения.

Наконец, Андрей Казакевич отмечает провал даже постсоветского идеологического фундамента (не говоря уже о более глубоких) в современной независимой Беларуси. Хотя власти и считают себя наследниками БССР, но фактически этого нет в их дискурсе, только общесоветское. Не установлены даже памятники Машерову и Мазурову, хотя они должны были быть для власти героями. Напротив, как замечает Алексей Ластовский, доцент Полоцкого государственного университета, который модерировал дискуссию, память о том же Машерове затирают, переименовывая его проспект, символическую линию власти – чтобы даже Машеров не составлял символической конкуренции нынешней власти.

БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА: 30 ЛЕТ ОСОБОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

Владимир Астапенко, ответственный за многостороннюю дипломатию в Народном антикризисном управлении, экс-посол, вспоминает, что в первые годы независимости система была настроена на перемены: открывали посольства и консульства, активно вели переговоры с Советом Европы, вышли на подписание соглашения о сотрудничестве с ЕС, а в первой концепции внешней политики хотели укрепить связи с Балтикой, Украиной и Польшей. Но референдум 1995 года стал судьбоносной вехой и положил конец этому пути развития системы.

Павел Слюнькин, ассоциированный аналитик Европейского совета по международным отношениям, экс-дипломат, отмечает, что факторами, которые позволили Лукашенко выстроить авторитарную систему, стали контроль над силовой системой, народная поддержка, и слабость системы сдержек и противовесов в Конституции 1994 года. В результате получилась система, которая может существовать и без народной поддержки, на одних только импульсах сверху вниз. Это и секрет устойчивости системы, и ее слабость: в критические моменты она подвисает, так как не умеет работать автономно или в реверсном режиме (импульсами снизу вверх).

Система меняет мироощущение приходящих в нее людей: талантливых и профессиональных убеждают, что они неконкурентны, и это заставляет их молчать и оставаться в системе, даже если они ее не поддерживают. Даже положительные черты системы, такие как исполнительность и дисциплина, в 2020 году продемонстрировали свои извращенные формы, существуя в отрыве от законов, морали и здравого смысла.

Валерий Ковалевский, глава Кабинета Светланы Тихоновской, представитель по иностранным делам, обращает внимание на эволюцию системы. В 1998 году он встретил систему открытую, где поощрялось высказывание мнения и даже политической позиции, а в 2006-ом, когда он уходил с госслужбы, “люди начали прикусывать язык”. По мнению Ковалевского, теперь “в госаппарате религия имени Лукашенко”, госслужащие должны быть лоялистами в квадрате, и многие из них руководствуются принципом “нам плохо здесь, но гораздо страшнее будет в другом месте”. К 2020 году “государство полностью отделилось от общества” (нет даже попыток показать, что оно ему служит), и “отказалось от закона как средства регулирования общественных отношений”.

Это противоречие подчеркивает и **Наталья Рябова**, директор Школы молодых менеджеров публичного администрирования SYMPA / BIPART: конфликт между утилитаристским видением жизни из государственной системы (потребление, выживание, карьерный рост) и видением общества, которое хочет не только потреблять товары и развлечения, но и участвовать в общественной жизни. Противоречия же 2020 года привели к тому, что из государственной системы ушли лучшие, и в результате мы имеем системы позавчерашнего дня, которая пытается управлять современным обществом.

Татьяна Чулицкая, кандидат социальных наук из университета Витаутаса Великого, согласна, что требование лояльности госслужащих увеличивается десятикратно, сейчас это базовый критерий нахождения в системе, его прописывают и законодательно. В результате госслужба не организована по принципу достоинств и квалификаций, и критерий профессионализма уходит все ниже. Рано или поздно с этим подходом система не сможет функционировать нормально. Пока же нынешний аппарат госуправления направлен на сохранение и воспроизводство самого себя и той системы, которая существует. Пока будет сохраняться запрос на лояльные кадры – система так и будет существовать, а распадаться она начнет только со сменой политической рамки.

30 ЛЕТ СПУСТЯ: К ОБЩЕМУ НАРРАТИВУ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ?

Геннадий Коршунов, кандидат социологии, экс-директор Института социологии НАН Беларуси, исследователь-аналитик в Европейском гуманитарном университете и старший аналитик Центра новых идей, отмечают, что к моменту распада СССР Беларусь подошла на пике индустриального развития, ставшего следствием ускоренной послевоенной урбанизации. Однако еще один ее последствием стал русский язык элиты и подавление белорусского национального нарратива. Вместо национальной идеи в обществе культивировалась идеология советского человека, и на выходе мы получили БССР как самую советскую республику.

Первоначальный общественный спрос на идею советского реверса, предложенную Лукашенко, закончился к середине нулевых – вместе с тем, как закончилась индустриальная инерция на советских запасах, во взаимоотношениях с Россией начались сложности и сокращение дотаций. К тому же происходила смена поколений, и популярность возврата в СССР неумолимо пошла на спад, как и идея союза с Россией.

Также важную роль в белорусской идентичности сыграли процессы диджитализации и интернетизации, в результате которых интернет стал обыденностью для практически всей молодежи и людей среднего возраста. Интернет-среда стала опытом самостоятельного выстраивания отношений между субъектами, построения горизонтальных связей, в противоположность метанарративу, который выставляло государство, как в индустриальном обществе.

Белорусское общество формирует новый тип полисубъектной идентичности в постиндустриальную эпоху. Использование разных языков и вероисповеданий – это постмодернистская ситуация, которая сложилась в Беларуси еще до индустриального общества (и первый герб БССР с надписями на четырех языках это отражает).

Происходящее в Беларуси в 2020 году **Алексей Кажарский**, доктор философии, научный сотрудник Карлова университета в Праге, называет лабораторией национального строительства, включающей в себя реапроприацию советских символов и их рекомбинацию с новыми прогрессивными идеями, такими как феминизация. По мнению Алексея, ключевым моментом в этом процессе является его спонтанность, рост снизу вверх, поэтому проект идентичности не сводится к какому-то одному.

Франак Вячорка, старший советник Светланы Тихановской и глава отдела внешней политики, видит в событиях 2020 года такие черты идентичности белорусов, как ответственность и дисциплину, миролюбие и мир как принцип и ценность. Активность диаспор и вынужденная релокация продемонстрировали спрос на национальную идентичность вне границ страны. А белорусской мечтой Франак видит построение своего дома, со всем комфортом и приватностью, но в то же время со своим соседством – из-за чего и стали так популярны новые местные сообщества. А запрос на геополитический нейтралитет, который фиксируют социологи, — это своеобразный взгляд хуторянина в масштабах страны.

Александра Зверева, соучредитель инициативы “Голоса из Беларуси”, ранее работавшая на краудфандинговой площадке “Улей”, обращает внимание, что если во всем мире краудфандинг использовался для сборов средств на технологии и гаджеты, то в Беларуси более популярны были культурные и социальные инициативы. Это демонстрирует, что белорусы очень отзывчивые и эмоциональные, у них есть потребность быть частью общества и работать в рамках него. И когда в 2020 появилась возможность объединиться – белорусы сделали это, даже несмотря на риски и угрозы.

Впрочем, философ **Максим Горюнов**, сведущий программы о национальной идее “Идея X” на Еврорадио, считает, что своеобразная любовь к гаджетам белорусам не чужда. По его мнению, белорусы хотели бы иметь общество непрерывного развития – с постоянным обновлением, как смартфоны, а президента – как Стива Джобса: чтобы он раз в 4 года проводит презентацию и демонстрировал обновления.

Лукашенко ранее смог обмануть белорусов, продав себя как продолжателя непрерывного прогресса, и теперь Цепкало и Бабарико в своей риторике обещали прогресс после застоя, выпускать новые гаджеты в срок. Что же касается положительных воспоминаний о советском образе, то Мазуров и Машеров предстают в нем как белорусские Ли Куан Ю.

Что же касается будущего, то Горюнов прогнозирует, что в новой Беларуси люди будут очень восприимчивы к левой феминистической повестке – как новой прогрессивной замене советизма.